

ками Иосифа и великокняжеской властью и признания ими «богоподобной природы русских царей». ⁶⁰ Но Г. Штекль видит в победе Иосифа над Нилом не только удар по духовному достоянию и возможностям дальнейшего развития («*entwickelungsfähige Überlieferungsgut*») русской церкви, ⁶¹ но и решающее событие в духовной истории России в целом. Считая характерной чертой истории Европы (в отличие от неевропейской истории) равновесие между «политически религиозной статикой» и «динамической энергией протестующей воли к реформе», автор полагает, что равновесие это было нарушено именно победой Иосифа Волоцкого в конце XV в. В направлении Нила он усматривает «протест против религиозно-политического тоталитаризма»; «вступив в союз с реакционными силами феодальной знати, стремление к религиозной реформе разбилось об усилившийся абсолютизм московских великих князей». ⁶² С этого момента и начинается расхождение между русской и собственно европейской духовной историей. ⁶³

Итак, победа Иосифа, по мнению Г. Штекля, определила весь дальнейший ход русской истории, противопоставив Россию Европе. Насколько мало этот «всемирно-исторический» вывод вытекает из материала, свидетельствует лучше всего работа И. Денисова, появившаяся на западе в те же годы, что и статьи Кологривова, Смолича и Штекля. Статья И. Денисова «К происхождению автокефальной русской церкви» ⁶⁴ представляет собой наиболее оригинальную по материалу и выводам иностранную работу, посвященную идеологической борьбе на Руси в конце XV—начале XVI в. В отличие от дореволюционных историков (в особенности церковных историков), рассматривавших отпадение московской митрополии «всёя Руси» от константинопольской патриархии после Флорентийской унии как акт, единодушно и беспрекословно одобренный всей Русью, И. Денисов справедливо отметил, что акт этот знаменовал собой кризис в жизни русской церкви и наталкивался на сопротивление в определенных кругах русского духовенства. В особенности привлекают внимание И. Денисова тенденции к сближению с западно-католическими силами, обнаруживавшиеся в кругах, близких к архиепископу Геннадию Новгородскому и Иосифу Волоцкому. ⁶⁵

Какие же выводы делает из своих построений И. Денисов? Общая оценка направления Иосифа и Нила, данная им, представляет как бы последовательную антитезу не только к концепции либеральной историографии второй половины XIX в., видевшей в иосифлянах «консерваторов», связанных с Москвой, а в нестяжателях носителей новгородского «либерализма», но и к взглядам тех иностранных исследователей, которые считают Иосифа основоположником типично «восточной» идеологии. По мнению И. Денисова, «консерваторами» и в политике и в идеологии были нестяжатели и митрополит (с 1473 по 1489 г.) Геронтий; иосифляне

⁶⁰ J. Smolitsch. Russischer Mönchtum, стр. 119—126.

⁶¹ G. Stökl. Zur Geschichte..., стр. 130.

⁶² G. Stökl. Die politische Religiosität..., стр. 412—414.

⁶³ Там же, стр. 415.

⁶⁴ E. Denisoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. — *Revue des études slaves*. t. XXIII, f. 1—4, 1947. Английский вариант статьи Денисова («On the origines of the Autonomous Russian Church») был напечатан в журнале «The Review of Politics» (12, 1952).

⁶⁵ E. Denisoff. Aux origines..., стр. 72—73, 77—78. И. Денисову остались, к сожалению, неизвестными ценные материалы по этому вопросу, появившиеся в советской научной литературе; например, работа А. Д. Седельникова «Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.» (Доклады АН СССР, 1929, сер. 3, № 1, стр. 16—19).